

Боясь, что родители заглянут во время распаковки, Гу Чанъань запер дверь на ключ.

Эх, впервые в жизни щелчок замка показался ему таким успокаивающим звуком.

Коробка — огромная. Если родители спросят, что внутри, он и правда не знал, что ответить.

Гу Чанъань немного поразмыслил, сфотографировал коробку на столе, а затем снял упаковочную бумагу и открыл её.

— Боже... — вырвалось у него, когда содержимое предстало перед глазами.

Подарок от Линь Го оказался рукотворным: миниатюрный двухэтажный дом-особнячок. Гу Чанъань на глаз прикинул — сантиметров пятьдесят в высоту.

Домик стоял на квадратной деревянной платформе, а перед ним был воткнут красный почтовый ящик сантиметров десять высотой.

Гу Чанъань приподнял крышечку ящика. Как и ожидалось, внутри лежал свёрнутый листок. Он развернул его с предельной осторожностью, боясь порвать от волнения.

«Чанъань,

Не знаю, понравится ли тебе такой подарок. Это не та безделушка, что можно купить в сети и просто собрать. Это я сделал своими руками. Ну как, я молодец? =w=

Хотел ещё садик пристроить, думал, тебе понравится, но времени в обрез, так что получился только базовый вариант.

Я долго думал о твоих словах. Надеюсь, этот домик хоть чуть-чуть даст тебе то самое чувство дома...

Пусть своего дома у нас пока нет, но стремления и мечты должны быть. Так что верь: когда-нибудь он у нас будет. Наш с тобой дом.

Кстати, крышу можно снять — увидишь, что внутри. Первый этаж, думаю, разглядишь через панорамное окно. Окна и двери открываются. Все заусенцы на дереве я отшлифовал и покрыл маслом — тем самым, для разделочных досок. Не отравись, не бойся.

— Твой малыш»

Записка была короткой, но наполнила Гу Чанъаня безмерной теплотой.

Как же здорово. Наш малыш тоже относится к нашим отношениям всерьёз.

Увидев подпись, Гу Чанъань почувствовал лёгкий укол в сердце. Перед словами «Твой малыш» было что-то зачёркнуто — похоже, иероглиф «дерево». Наверное, начал писать что-то, но испугался, что их раскроют, и замазал.

Если бы один из нас был девушкой... всё было бы иначе.

Мы могли бы держаться за руки где угодно. Где угодно! И никто не показывал бы на нас пальцем.

Не пришлось бы скрывать свои имена. Мы могли бы писать их открыто, и никто не тыкал бы в

них, говоря «ненормально».

Я мог бы привести своего малыша домой при всех, сказать родителям: «Я женюсь на нём, я хочу быть с ним всегда».

Если бы я был девушкой, он бы не отшатывался от меня в испуге, когда я на людях пытаюсь взять его за руку.

Если бы я был девушкой, он бы не чувствовал себя так неуверенно. Не казалось бы ему, будто он заранее знает, что нам не быть вместе, и каждый наш день — будто украденный. Поэтому я так часто вижу в его глазах этот взгляд.

Гу Чанъань вытер платком наворачившиеся слёзы, прижал уголок записки степлером к столу и сфотографировал. Затем вернул крышечку на почтовый ящик, выставил свет и сделал несколько снимков домика.

Он провёл пальцами по крыше и карнизу, ощущая резной узор. Пальцы слегка дрожали, когда он бережно приподнял коричневую крышу.

— Боже...

Он не мог подобрать слов. Не только благодарность за подарок — его охватило изумление от увиденного внутри.

На втором этаже были две спальни и кабинет. В одной из комнат, судя по всему, главной спальне, имелась даже ванная. Обои — кремового оттенка, общий стиль — скандинавский, лаконичный. С лестничной площадки просматривалась часть первого этажа.

Через панорамное окно из прозрачного пластика виднелись гостиная, кухня и столовая.

Гу Чанъань нежно коснулся миниатюрной мебели: кровати, шкафа, книжных полок, стола и стульев...

Это был его дом. Дом Гу Чанъаня и Линь Го.

Это была не просто сборка готовых деталей. Линь Го отшлифовал все срезы, покрыл их маслом, создал столько крошечных предметов... Уделил внимание даже узорам на крыше и коробочке салфеток на журнальном столике...

Столько материалов. Столько времени...

Без огромной любви вряд ли можно было закончить всё это за несколько дней...

Гу Чанъань сделал больше двадцати кадров домика, затем сел, тщательно отобрал несколько и выложил в микроблоге.

Как раз в этот момент за дверью раздался голос мамы, звавшей ужинать. Он убрал домик в коробку, поставил её под письменный стол и, взяв телефон, вышел.

— Вечно в телефоне торчишь! Глаза, видно, не нужны! — мама бросила на него сердитый взгляд.

— Я не торчал, — тихо возразил Гу Чанъань.

— А что делал? — мама поставила на стол тарелку с пельменями.

— Видео смотрел.

— А разве это не телефон? Не в нём смотрел?

— Ладно, ладно, вы правы, — сдался Гу Чанъань.

— Ещё бы не права, — фыркнула мама.

Линь Го только-только добрался до дома. Его старший брат помогал маме на кухне, а он с отцом смотрел телевизор в гостиной.

Отец то и дело поглядывал в сторону кухни, якобы торопя с ужином, хотя все понимали: просто сын бывает дома лишь несколько дней в году, вот он и стремится каждую минуту быть рядом.

Меньше чем за двадцать минут отец уже в третий раз «случайно» прошмыгнул на кухню.

Телефон Линь Го задорно затикал от уведомлений. Среди них неожиданно мелькнуло оповещение из микроблога.

@Сладкий_малыш_Линя: Мой малыш подарил мне дом [сердечко]~[фото]...

Далее шли девять фотографий, в центре — та самая записка Линь Го.

Увидев ник, Линь Го сразу заподозрил, что это Гу Чанъань. Прочитав текст, убедился на все сто.

Подписавшись, он обнаружил, что в профиле всего одна запись, а подписан автор только на него. В описании значилось: «Каждый день даю малышу большую фруктовую конфету, чтобы он был счастлив».

Линь Го подумал: подписчики у него всё равно мёртвые души, да и в реальной жизни его тут никто не знает. Сменил свой ник и описание, а затем сделал репост записи Гу Чанъаня.

Закончив, он включил авиарежим и отшвырнул телефон в сторону. На душе стало сладко, будто проглотил целую горсть фруктовых карамелек.

— Динь.

Услышав звук уведомления, Гу Чанъань, не отрываясь от еды, потянулся за телефоном.

@Конфетка_Гу: В новом году, парень, давай дружить [сердечко]//@Сладкий_малыш_Линя: Мой малыш подарил мне дом...

— Чего ухмыляешься? Зубы скалишь, как дурак, — мама лягнула его стул ногой.

— Мам, как ты можешь так про родного сына говорить! — возмутился Гу Чанъань.

Мама скосила на него глаза.

— А кто сказал, что ты родной? Я же с детства твердила: подобрала тебя на свалке.

— Мамуль, да ты же меня обожаешь, признайся! — Гу Чанъань подмигнул ей.

— Ты что, пельмени вместо мозгов съел?

— Ладно, не говори. Я и так знаю. Люблю тебя, мам, — он снова подмигнул.

— Ешь давай, не кривляйся.

Вчера Линь Го ещё говорил, что подписчики у него — мёртвые души. Сегодня же он на собственной шкуре испытал, на что способны эти «души».

В первый день Нового года полагалось навестить бабушку с дедушкой. Мама Линь Го подняла всех ни свет ни заря, в семь утра.

Вчера он ещё не мог уснуть, сердце колотилось, как у испуганного оленёнка. Сегодня же не то что оленёнок — если бы на него наскочил носорог, он бы и глаз не открыл.

Чтобы прогнать дремоту, он решил проверить микроблог. Но едва включил мобильный интернет, как его окончательно разбудил шквал уведомлений. Он спешно перевёл телефон на вибрацию и открыл приложение.

Линь Го уставился на ярко-красную цифру «999+» на иконке своего блога и протёр глаза.

...

Неужели я за ночь стал знаменитостью?

Оказалось, среди его «мёртвых душ» затесался один весьма популярный писатель, известный под ником «Курица с ананасом и колой».

<http://bllate.org/book/16270/1464336>